

III

В ПОРТ-АРТУРЕ

Трумпельдор не хотел поступать на службу вольноопределяющимся, на что имел право, а ждал своей очереди по призыву. В 1902 году он был призван и принят простым рядовым в 76-ой пехотный Кубанский полк. Летом 1903 г., как мы писали раньше, он упросил начальство разрешить ему ехать добровольцем в Порт-Артур. В Порт-Артуре он служил в 7-ой роте 27-го Восточного Сибирского стрелкового полка.

Порт-Артур разделялся на китайскую и европейскую части. Европейская часть, в свою очередь, делилась на старый и новый город. Наш 27-ой полк был расположен в новом европейском городе, на Тигровом Хвосте (маленький полуостров), одна часть которого омывалась непосредственно Желтым морем, а другие две — бухтой, которая широко разливалась во время прилива. Когда началась русско-японская война, полк наш был выведен

отсюда; он занял позиции в новом европейском городе, а именно форты лит. Д., №№ 5 и 4 и Голубинную бухту; в этой же части крепости находились форты Длинная, Мертвая Горка, Высокая, которая, между прочим, решила участь Порт-Артура, и еще многие другие сопки и укрепления. Здесь же в последние три месяца осады происходила главная борьба за Порт-Артур.

Но Трумпельдору не сиделось здесь, он считал эти позиции «глубоким тылом». Он скучал от бездеятельности. Ежедневно одна и та же работа. Нет ничего нового, нет перемен ни в ту, ни в другую сторону. Мы осуждены на прозябание, — говаривал он. Война, ведь началась в январе 1904 г., а вот уже май, а японцев нет как нет. Появляются они раз в две недели, выведут из строя какое-нибудь судно Порт-Артурской эскадры и уйдут опять во свояси, — а ты, пехотинец, сиди и жди у моря погоды...

Так бывало рассуждает он в кругу друзей и товарищей. Но вот наступил день 13-го мая. На горах при Кин-Чжоу начались упорные бои. 7-ая рота, находившаяся в резерве, выступила в поход и заняла позицию в 25—30 верстах от Порт-Артура, на Зеленых или Волчьих горах. Здесь впервые Трумпельдор

показал свою неукротимую отвагу. О нем заговорили, как о войне-герое. Он принял участие во многих рискованных вылазках и разведках. Его разведки отличались своим хладнокровием и выдержкой: он никогда не поднимал тревоги при встрече с неприятелем, а старался или взять его в плен, или же обратить его в бегство. Так продолжалось несколько недель — до тех пор, пока главные силы японской армии разбили русских, и наши передовые отряды вынуждены были отступить к самому Порт-Артуру. 7-ая рота вернулась «домой», в «глубокий тыл», на отдых. Трумпельдор принес с собою громкую славу героя и знак отличия военного ордена 4-ой степени. Но он не собирался почивать на лаврах. Уже очень скоро его начинает тяготить сидение в «глубоком тылу».

— Скука замучает, — обратился он ко мне однажды, — знаете, я думаю поступить в охотничью команду.— Охотничьи команды имелись тогда в каждом полку; им поручались самые рискованные предприятия, их посылали в самый жестокий огонь.

Задумано — сделано: Трумпельдор — охотник. Новые, сильные ощущения, новые неизведанные переживания, новые опасности; но опасности ему нипочем, а сильные пере-

живания и ощущения он, ведь, любит, смерти не боится; он — фаталист, он верит в судьбу.

В охотничьей команде он с первых же шагов встретился с антисемитизмом. Полковой адъютант выстроил всех охотников, обратился к ним с речью, в которой высказал надежду, что между ними изменников и трусов не найдется, так как среди них нет ни одного жида. Трумпельдор не стерпел, выступил вперед и заявил адъютанту, что он — еврей, и однако он себя изменником и трусом не считает. Адъютант ответил, что его он в расчет не принимает, ибо он ничуть не похож на еврея. Трумпельдор тогда еще раз со всей настойчивостью подчеркнул, что он себя считает обыкновенным евреем, что кроме него есть еще в полку евреи — очень brave, честные, расторопные; это видно и по приказам самого командира полка и по поведению тех евреев-солдат, которые занимают ответственные посты. Офицер ответил: «И тех, о которых ты говоришь, знаю я хорошо и говорю тебе, что и они непохожи на евреев». Трумпельдору осталось только умолкнуть. Долго не мог он прийти в себя после этой беседы.

Так встретила его охотничья команда, в лице полкового адъютанта. Встретила его, как мачеха пасынка. Но Трумпельдор не хотел

признать себя пасынком: он нес свою душу на алтарь русской армии, на алтарь России. Он служил ей со всей преданностью, с полным самоотвержением. Он считал тогда, что евреи не должны жалеть своей крови для успеха русского оружия. Он верил, что своею кровью, которую он прольет для России, он откроет «им» глаза, и «они» поймут, что заблуждались. Не раз говорил он мне: «Пусть гонения, гнет и бесправие, насмешки, издевательства и несправедливость, но мы ответим на все это самым верным, самым испытанным орудием нашего народа — моралью. Великая, неодолимая сила морали в том, что она выражение правды жизни, выражение подлинных и неустранимых потребностей народов. Мораль, к которой стремится человечество, нужна всем, кроме, разумеется, тех, которыми держится насилие и гнет, царящие в нашей жизни. Но пробьет час, — и угнетатели устыдятся, мы же будем правдивыми и исполним свой долг до конца».

Прошло долгое время, в течение которого я не видел Трумпельдора. Слышал я, что охотники 27-го полка оперируют где-то вдали от Артура. Что с моим другом, — я толком не знал. Окольными путями узнавал я, что он жив, невредим и первый сорви-голова в раз-

ведках, что он герой и хороший товарищ в нужде и опасности, что его отвага необыкновенна.

Наступил июль 1904 г. Жара стояла невыносимая. Бои шли упорные, — на море и на суше. Японцы одерживали победу за победой. Наш гарнизон все оттеснялся к внутренним фортам крепости. Боевая линия все суживалась, и, наконец, наш полк, находившийся до сих пор в «глубоком тылу», оказался на передовых позициях. В один из таких дней распространился слух, что Трумпельдор убит; нашелся солдат, который утверждал, что он сам вынес его из линии огня раненым и хотел донести его до перевязочного пункта, но по дороге Трумпельдор скончался на его руках, так что он вынужден был оставить его в поле; во всяком случае тело его вне боевой линии. Я тут-же отправился в канцелярию полка узнать точно обо всем. По дороге я встретил адъютанта полка и решил обратиться к нему за справкой; но он предупредил меня: «Белоцерковский, ты слышал, какое несчастье постигло наш полк? Трумпельдор убит! Жаль его, brave был солдат. Скажи на милость, он, действительно, — настоящий еврей, или же из кавказских субботников?» Я, как полагается, приложил руку к козырку и ответил,

что Трумпельдор — «настоящий» еврей и что его отец — выходец из Польши. Я поинтересовался, можно-ли будет найти его тело и похоронить его по обрядам еврейской религии. «Даже должно, раз он еврей», — ответил офицер. Я пошел, чтобы посоветоваться с товарищами-евреями относительно его похорон.

В действительности-же оказалось, что Трумпельдор был жив и на Мертвой Горке командовал охотниками до последнего момента боя, оставив окопы последним. А случилось это так: накануне того дня начальник охотничьей команды 27-го полка получил приказ занять Мертвую Горку и удерживать ее во чтобы то ни стало. Но когда начался бой, и японцы упорно стали громить эту Горку, начальник команды «почувствовал себя плохо» и передал командование над ротой фельдфебелю. Фельдфебель, спустя короткое время, решил, что долг подчиненного проведать своего начальника и отправился «искать командира», а начальство над командой вручил старшему взводному унтер-офицеру, который, в свою очередь, последовал примеру своего фельдфебеля и передал командование Трумпельдору. Трумпельдор, взяв в руки командование над ротой, стал у выхода из окопа и заявил, что он теперь — начальник роты и что никто не

уйдет отсюда, пока не будет истрачен последний патрон. Он воодушевил всех своим личным примером, и в скорости ему удалось отбить атаку. Но японцы успели подвести свои орудия и совершенно разбить Мертвую Горку. Многие из солдат Трумпельдора пали мертвыми, многие оказались ранеными; еще большее количество ушло «искать начальство», — подобно фельдфебелю и взводному. Трумпельдор остался только с одним солдатом. Делать было нечего, надо было отступать, тем более, что японцы уже заняли часть окопа. Трумпельдор с «остатком своей армии» отступил. И по пути отступления он встретил морского полковника, который шел прямо на Мертвую Горку. Трумпельдор спросил его, куда он идет, — если на Горку, то напрасно, ибо она уже занята японцами. Офицер спросил Трумпельдора не поздно-ли, по его мнению, выбить их оттуда. Трумпельдор ответил, что это было бы возможно при наличии хотя бы роты солдат.

— Беги скорей, — обратился тогда к нему полковник, — за этим перевалом стоят мои матросы; передай им мой приказ, чтобы они поспешили.

Трумпельдор помчался, но матросов за перевалом он не нашел; только вдали, по напра-

влению к городу, он заметил колонну удалявшихся матросов. Тем временем японцы засыпали всю эту местность и с моря и с суши ураганным огнем своих дальнобойных орудий. Трумпельдор вернулся и доложил полковнику о бегстве матросов. Тот схватился за голову, опустился на камень и стал кричать: «Жиды вы этакие, изменили». Трумпельдор запротестовал, рассказал ему всю историю с Мертвой Горкой. И в ответ получил обычный комплимент: «Ты не похож на еврея». Полковник отправился искать своих матросов, а Трумпельдора снабдил двумя записками: одной на имя командира 27-го полка, а другой на имя начальника бригады, генерала Кондратенко, который находился поблизости, в одной из Портартурских долин, с донесением о происшедшем. Генерал Кондратенко, прочитав рапорт полковника и расспросив Трумпельдора обо всем подробно, приказал ему и его товарищу, по фамилии Вдовин, остаться здесь, так как тут будет поставлена ночная застава, на случай, если «япошки» вздумают ворваться ночью в город.

Трумпельдор и Вдовин остались в сторожевой охране. Между прочим надо заметить, что этот солдатик Вдовин страстно любил Трумпельдора. Ночь была темная, жуткая. Дождь

влению к городу, он заметил колонну удалявшихся матросов. Тем временем японцы насыпали всю эту местность и с моря и с суши ураганным огнем своих дальнобойных орудий. Трумпельдор вернулся и доложил полковнику о бегстве матросов. Тот схватился за голову, опустился на камень и стал кричать: «жиды вы этакие, изменили». Трумпельдор запротестовал, рассказал ему всю историю с Мертвой Горкой. И в ответ получил обычный комплимент: «Ты не похож на еврея». Полковник отправился искать своих матросов, а Трумпельдора снабдил двумя записками: одной на имя командира 27-го полка, а другой на имя начальника бригады, генерала Кондратенко, который находился поблизости, в одной из Портартурских долин, с донесением о происшедшем. Генерал Кондратенко, прочитав рапорт полковника и расспросив Трумпельдора обо всем подробно, приказал ему и его товарищу, по фамилии Вдовин, остаться здесь, так как тут будет поставлена ночная застава, на случай, если «япошки» вздумают ворваться ночью в город.

Трумпельдор и Вдовин остались в сторожевой охране. Между прочим надо заметить, что этот солдатик Вдовин страстно любил Трумпельдора. Ночь была темная, жуткая. Дождь

шли, как из ведра, ветер завывал. Небо было черное, зги не видать. Трумпельдора и его товарища поставили в секретный пост. Стояли они вдвоем в ущельи меж скалистых гор и напряженно всматривались в черноту. Вдруг они почувяли какие-то тени. Именно «почувяли», потому что никого и ничего они не видели, но чувствовали, что кто-то около и вокруг них есть. Вдовин решил, что это японцы и, следовательно, надо дать знать в штаб заставы. Но Трумпельдор остановил его: хотя секретному посту и не полагается окликать, но так как он уверен, что это солдаты, застрявшие в разбитых окопах и теперь пробирающиеся в свои части, то нужно спросить, кто там. И на вопрос «кто идет?» тотчас получился ответ: «свои». Оказалось, что пять солдат артурского гарнизона пробираются к своим. Трумпельдор посоветовал им остаться здесь до утра, дабы избежать тревоги, которую они могут наделать на других постах. Утром он их привел в штаб заставы, а сам вернулся в полк, где товарищи радостно встретили его целым и невредимым.

Прошло несколько дней после этой истории, а Трумпельдор все еще находился «на отдыхе». Постепенно пришли все «пропавшие» было солдаты, начальник команды тоже уже

оправился от своей «дурноты», внезапно овладевшей им в день боя. Июль был уже на исходе. Японцы нанесли русским новый удар. 28-го июля русская эскадра была разбита и рассеяна при попытке прорваться из Порт-Артура. А в первых числах августа подошли свежие японские силы генерала Ноги, и он повел новое наступление по всей линии, развив ураганный огонь. И 6-го августа, рано утром, наши охотники опять были двинуты в действие. В этот день шел ожесточенный бой на Длинной; туда и направили охотников. Там Трумпельдор и был ранен. На этот раз вести о несчастьи с ним оказались правдой. В штаб полка было официально сообщено, что охотник 27-го полка Иосиф Трумпельдор выбыл из строя; его ранили тяжело. Целый день искали мы его и не могли найти. Только в 10 часов вечера позвонили из Морского госпиталя, что там находится на излечении ефрейтор Трумпельдор, что рана у него оказалась серьезная, а посему ему ампутировали левую руку. Теперь он вне опасности, самочувствие хорошее, температура нормальная.

Подробностей ранения я не знал. Ночью идти к нему было невозможно. Пришлось отложить на завтра. На утро я пошел его проведать. Мне было жутко. Я себе не мог пред-

ставить Трумпельдора — высокого, сильного, здорового богатыря — с одной рукой. Шел я к нему неохотно. Было не по себе. Все время представлялось, что придется утешать его, и всю дорогу я мысленно повторял слова утешения. Оказалось, однако, что все это было ни к чему. Наоборот, как только он меня увидел, он стал меня утешать. Он не переставал утверждать, что чувствует себя великолепно, что это все пустяки, и что в ближайшем будущем он опять отправится на позиции. Я присел к нему на постель. Он воспользовался этим случаем и начал бороться со мной одной рукой, при этом улыбаясь своей милой, искренней улыбкой. Я был поражен таким исходом моей первой встречи с ним после пережитой им потери руки. Я попросил его рассказать мне, как и при каких обстоятельствах его ранило, и он рассказал об этом тихим и ровным голосом, спокойно, как будто речь шла не о нем самом, а о чем-то далеком, давно минувшем. Хотя он был еще слаб, но каждое слово было ясно, отчетливо. Я помню, как теперь, выражение его лица, звук голоса, мимику — и не было никакой разницы с обыкновенной его манерой говорить. Огромных усилий это ему стоит, — подумал я.

— 6-го, рано утром, — начал он, — команда

наша собралась и выступила в поход. Хотел было я с вами повидаться, но не нашел вас. Мне сказали, что вы ушли на Голубиную бухту. Шли мы недолго, не больше получаса, до Длинной. Тут мы выстроились гуськом и рассыпались по окопам форта. Началась перестрелка. Японцы, под прикрытием своих орудий, подошли к самой горе. Мы наверху, а они внизу. Они нас ручными бомбочками, а мы их — камнями. Стрелять нельзя было, ибо приходилось перегибаться через окоп, а это значило рисковать получить «подарок» от японцев. Так мы оборонялись несколько часов. Мы ждали подхода резервов и бомбометной роты. Вдруг около меня убило солдатика нашего полка. Вы его, кажется, знали: он из Тулы, служил в 11-ой роте. Он говорил мне, что знал вас еще в Киеве, когда вы там служили в Бендерском полку. Его и убило. Был он хороший парень, не трус и товарищ. Через маленькое отверстие окопа я видел, кто именно метнул в него бомбу. Меня зло взяло, хотелось швырнуть в убийцу камнем. Выбрал я камень поострее, левую руку, в которой находилась винтовка, положил я на бруствер, а правой метнул в него не хуже, чем бомбочкой. Не знаю, попал ли я в него, но вдруг на мгновение все перед мною затуманилось, — а когда

я открыл глаза, я увидел себя лежащим вне окопа, на далеком расстоянии от него. Очевидно, бомба была фугасная, удар был сильный, меня подняло и отбросило далеко от окопа; на мне из амуниции ничего не оказалось, — повидимому, разорвало. В первый момент я ничего не сознавал, а потом я почувствовал страшную, невыносимую боль в левой руке; она отяжелела, словно сто пудов весила. Пощупал я лицо, — оно все оказалось покрыто каким-то слоем. Во рту пересохло. Я поднялся, придерживая левую руку правой, и пошел по направлению к перевязочному пункту. Шел я долго-долго. Очевидно, заблудился. Выбился из сил и упал. Лежал я порядочно долго. Вдруг я почувствовал, что меня кладут на носилки; слышу, говорят: «Это наш Трумпельдор, здорово его ранило». А другой голос говорит, чтобы меня бросили, так как я уже мертв, что лучше живых подбирать. Все это я чувствую и слышу, но ничего не могу сказать, нахожусь словно под каким-то прессом. Когда же услышал я слова — «Бросьте его, он мертв», я собрал последние силы и еле-еле промолвил: «Я жив». На перевязочном пункте меня подкрепили, и я открыл глаза. Оттуда меня отнесли в Морской госпиталь; очередь дошла до меня лишь в 8 час. вечера.

Меня выкупали, врач меня осмотрел и об'явил, что левой руки у меня нет, и в доказательство вынул несколько раздробленных косточек моей руки и показал мне. «Что же делать?» — спросил я. — «Ампутировать» — был ответ. Я согласился... Ну, да это ничего. Отчего вы такой хмурый, чего вы так насупились? Уверю вас, что это ничего. Вы увидите, как мы еще в будущем будем работать на палестинских полях. — И он опять начал бороться со мною. Было уже поздно, я распрощался с ним до ближайшего свидания.

Во второй раз, когда я к нему пришел, я его застал хмурым .

— Что с вами, Ося ?

— Все-бы ничего, процесс заживания протекает нормально, но вот около меня лежит негодяй, который все время о жидах говорит. Старший врач обещал перевести меня в другую палату.

В госпитале Трумпельдор пролежал минимальный срок. «Что вы делаете?» — «Да разве можно с такой пустячной раной так долго лежать в госпитале?» отвечал он. И настоял на своем: его выписали. Пришел он в роту, но и там ему не сиделось.

— Скучно мне, да и неблагоприятно нахо-

дятся в тылу в то время, как люди умирают в окопах. Нет, не могу!

— Вы, ведь, имеете право сидеть в тылу.

— Во время войны нет прав у человека, а только обязанности.

— Но вы ведь инвалид.

— Какой я инвалид, если у меня правая рука есть, и я себя чувствую вполне здоровым?

Он думал долго и тяжело. Много ночей не спал. Все взвесил и решил. Был ноябрь 1904 г. Стояла довольно холодная погода. Японцы окружили нас тесным кольцом, угрожая, если мы не сдадимся, разнести все госпитали. Наступления они не предпринимали, но днем и ночью непрерывно бомбардировали Порт-Артур с моря и с суши. В один из таких дней, когда мы все сидели в блиндажах, укрываясь от японских снарядов, явился ко мне Трумпельдор, — веселый, радостный, бодрый, — и в нашей дыре сразу стало светло.

— Как вы попали сюда, Ося? Откуда и как прошли?

— Ничего, не страшно, снаряды пролетают мимо. Я пришел к вам. Я решил бесповоротно разделить с товарищами боевую жизнь; надоело быть инвалидом. На днях подаю доклад-

ную записку ротному командиру, в которой буду просить разрешения отправиться на позицию и носить револьвер и шашку вместо винтовки.

Решил и сделал. Но ротный командир сам не мог решить такого вопроса и, в свою очередь, обратился с рапортом к командиру полка, приложив при нем записку Трумпельдора. Командир полка опубликовал записку Трумпельдора в приказе по полку, в котором он между прочим писал: «Поступок Трумпельдора должен быть записан золотыми буквами в историю 27-го полка еще потому, что Трумпельдор — еврей, интеллигент, по профессии зубной врач». Он сам, командир полка, вручает ему, Трумпельдору, револьвер и шашку, производит его в взводные унтер-офицеры, а командир 7-ой роты должен назначить ему взвод для командования. Он, командир полка, надеется, что Трумпельдор сумеет быть на высоте положения начальника и не даст почувствовать, что он иной веры, чем его подчиненные. Офицерам полка и всему полку командир полка приказывает выбить особый жетон, преподнести его Трумпельдору и устроить парад, пропустив весь полк церемониальным маршем перед Трумпельдором. И Иосиф Трумпельдор стал командиром 3-го

взвода 7-ой роты, которая находилась на линии огня.

В качестве взводного командира он вполне оправдал надежды командира полка и, действительно, не дал почувствовать, что его подчиненные иной веры, чем он сам. Это было, конечно, не потому, что Трумпельдор принадлежал к тем евреям, которые в таких случаях стараются затушевать свое происхождение; причина была другая. Солдаты обожали его и умели ценить его прямой, благородный характер. К тому же солдаты 7-ой роты уже имели случай узнать его в роли «начальника». Еще когда мы только что приехали в Порт-Артур, Трумпельдор начал играть видную роль в 7-ой роте, — хотя он был в то время еще простым рядовым. Дело в том, что по дороге из России умер наш фельдфебель, большой поклонник Бахуса, и 7-ая рота осталась без хозяина. Ротный командир не мог выбрать другого фельдфебеля из числа унтер-офицеров и скомбинировал фельдфебельскую должность следующим образом: фактически фельдфебелем был Трумпельдор, а номинально таковым считался один из взводных унтер-офицеров. И фактический фельдфебель Трумпельдор отлично вел дело. Командир роты ценил его, а солдаты не могли им нахвалиться. Зная обо

всем этом, солдаты 3-го взвода естественно встретили его с открытой душой, помня, что при нем они будут получать все сполна и никто их не будет обкрадывать в пище и жаловании. Солдаты 3-го взвода вели себя хорошо, в карты не играли, не пьянствовали, но за то командир их заботился о них, как отец о своих детях.

Таким образом, он работал в качестве официального взводного командира до 20-го декабря 1904 года, когда судьба Порт-Артура была решена и генерал Стессель сдал крепость японскому генералу Ноги. Нас, солдат, отвели в Японию, в плен, где начинается для Трумпельдора новая работа, работа культурно-просветительная и сионистская.